

**О донских казаках, служивших на
Кубанской Линии в 1790-1830-х годах**

// Российская государственность в судьбах народов Кавказа - IX. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24-25 ноября 2016 г. – Пятигорск: ПГУ, 2016. - С.90-98.

В последнее время, в среде возродившегося казачества России, часто поднимается вопрос: почему в боях с горцами на Северном Кавказе боевые качества донских казаков были какими-то блеклыми, хотя на других театрах боевых действий они блистали своими подвигами?!!

В данной статье мы попытаемся дать объяснение этому явлению на основе доступных нам материалов.

Начиная с 1780-х годов, каждый год на Кавказ отправлялось несколько конных донских казачьих полков, которые распределялись для службы на разные участки Кавказской Линии. Одним из них была Кубанская кордонная Линия.¹

К 1821 году, это примерно середина обозначенного нами периода, «весь кордон правого фланга Кавказской Линии, ради удобства обороны», разделялся на 2 части:

Первая часть – это собственно Кубанская кордонная Линия, которая начиналась от поста Изрядный источник (место впадения в Кубань р. Большой Лабы) и доходила до «урочища Каменный Мост», где Кубань выходила из горного ущелья на равнину.

В состав Кубанской Линии входили крепости Усть-Лабинская, Кавказская, Прочный Окоп, а также ряд редутов – Убежный, Святого Николая, Невинномысский, Баталпашинский и др.

¹ Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801-1804 гг.). - Ростов-на-Дону, 2005. – С.88.

Позади Линии, в глубине прикубанской степи, находились «коммуникационные» посты для прикрытия большого почтового тракта с Дона на Ставрополь, а также «временные посты», выставляемые на время полевых работ, для защиты хуторов и сел государственных крестьян-однодворцев Ставропольского и Александровского уездов.

Вторая часть «правого фланга» – так называемая «сухая граница», которая, начинаясь от Беломечетского поста на верхней Кубани, уходила от реки в степь, где доходила до одноименного Беломечетского поста на реке Малке, уже на границе с Кабардой, которая считалась центром Кавказской Линии. На «сухой границе» стояли крепости Темнолесская, Константиногорская, Кисловодская, Ессентукский и Кумский редуты, другие укрепления, в том числе «коммуникационные и временные посты».

Обе части «правого фланга» разделялись на 2 «дистанции», а они, в свою очередь – на 2-3 «отделения», которыми заведовали «дистанционные и отделенные начальники» из армейских или казачьих офицеров.²

На Кубани и смежных с ней территориях донцы несли свой 3-годовалый «термин» (срок службы), обеспечивая «непропуск закубанских хищнических народов внутрь Российской границы», после чего уходили «на льготу», а им на смену приходили новые полки.

На Кубанской Линии и «сухой границе», в разные периоды, стояло от 3 до 6 полков донцов. Так, например, по состоянию на 31 января 1811 года, свои штаб-квартиры на Кубанской Линии имели:

² Дмитриенко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. 1736-1801: Документы, извлеченные из Московского отделения архива Главного Штаба. Том 1. - СПб., 1896-1898. - С.124-134; Потто В.А. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии: К 100-летию занятия Тифлиса русскими войсками 26 ноября 1799 г. - Тифлис, 1899. - С.135,247; Серегина О.И. Из истории основания крепостей и укреплений Азово-Моздокской Линии в районе Кавказских минеральных вод // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы всероссийской научной конференции. Часть 1. - Москва; Ставрополь, 2001. - С.127; Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России: 1801-1901 / Под руководством Н. Н. Белявского; под редакцией В. А. Потто. – Том 3. Часть 2. Время Алексея Петровича Ермолова. 1816-1826 годы. – Тифлис, 1904. – С.92,123-125.

– полк войскового старшины А.Е. Сафонова. «Штаб-квартира на реке Кубани при речке Овечьей, содержит кордон от закубанцев на 65 верст»;

– полк Самойлова 1-го. «Штаб-квартира у Невинного мыса, содержит кордон от закубанцев на 75 верст»;

– полк Сычева 3-го. «Штаб-квартира у Баталпашинской переправы, содержит кордон от закубанцев на 85 верст и внутренние посты»;

– полк Рябинина 1-го. «Штаб-квартира при Усть-Лабинской крепости. содержит от закубанцев кордон на 82 верст и внутренние посты» (с февраля 1811 полком стал командовать Рябинин);

– полк Краснова 3-го. «Штаб-квартира при Кавказской крепости, содержит кордон от закубанцев на 97 верст»;

– полк Араканцева 1-го. «Штаб-квартира при Усть-Барсуковском редуте, содержит кордон от закубанцев на 62 версты»;

Еще 2 полка стояли на смежных территориях:

– полк Агеева 3-го. «Штаб-квартира при Константиногорске, содержит кордон от кабардинцев и закубанцев в 60 верст»;

– полк Петрова 1-го. «Штаб-квартира в селе Круглолесском, содержит карантинную цепь и внутренние посты от кабардинцев и закубанцев на 95 верст».³

Такое количество донских полков на Кубани было нужно из-за того, что поселенные здесь линейные казаки Кубанского и Кавказского полков (вышедшие на службу в 1796 и 1804 годах), в силу своей тогдашней малочисленности, могли охранять только свои станицы и содержать ближайшие к ним кордонные посты.

Именно поэтому основную тяжесть пограничной службы на Кубани несли донцы, особенно в верхнем течении реки, выше Невинномысского

³ Захаревич А. В. Дислокация донских казачьих частей на границе России по Кавказской кордонной линии в 1801-1816 гг. и ее изменения в этот период // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып. 65. - Ростов-на-Дону, 2014. - С. 63-65.

редута; станции Хопёрского полка были переселены сюда из глубины ставропольских степей лишь к 1827 году.⁴

Со временем ситуация с дислокацией донских полков на Кубани несколько изменилась, их количество было сокращено после увеличения численности Кубанского, Кавказского, Хопёрского и Ставропольского линейных казачьих полков в начале 1830-х годов.

Теперь полки донцов стали распределять по двум другим направлениям, одному «старому» и одному «новому»:

– на «сухую границу» и самый «трудный» участок границы по мелководной Верхней Кубани, где существовало множество удобных для «закубанских хищников» переправ; на этом участке донцы служили с 1790-х и вплоть до 1850-х годов;

– вместо кордонов по среднему течению реки, донцов стали отправлять в «передовые» укрепления за Кубанью, возникшие в начале 1830-х годов.

Одно из них – Вознесенское на реке Чамлык, «в 15 верстах от соединения Малой и Большой Лабы», где стоял донской казачий полк, чтобы «отрезать черкесов от гор при их отступлении с Кубани после набега на Линию». Примечательно то, что это укрепление имело и другие названия – Ново-Донское и Жировское (по имени командира одного из полков донцов).⁵

Если говорить о службе донцов на Кавказе, а точнее о том, как они ее несли, то ее можно разделить на два периода.

⁴ Колесников В. А. Донцы на Кубани. К 200-летию со дня основания Григориполисской, Темнолесской, Воровсколесской станиц. - Ставрополь, 1995. – С.15-19,26,63-65; Колесников В.А. Из ранней истории Кубанского линейного казачьего полка // Вопросы Северо-Кавказской истории. Вып.1. - Армавир,1996. - С.33,38; Куракеева М.Ф. Казаки Верхней Кубани и Зеленчуков. - Черкесск,1994. - С.3-4,11-16,34; Могилевцев Н.М. Краткие исторические сведения о Кавказском конном полку Кубанского казачьего войска: Перемены, произошедшие в Кавказском полку с 1816 по 1845 г. / Под ред. Ф. Щербины // Кубанский сборник. Т. 3. Паг. 5. - Екатеринодар,1894. - С.5-8; Фелицын Е.Д. Переселение на Кубань казаков бывшего Екатеринославского войска и образование из них Кавказского конного полка Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Т.3. Паг. 6. - Екатеринодар,1894. - С.15-30; Юдин П.Л. Кубанский полк при первом поселении // Записки Терского общества любителей казачьей старины. №9. - Владикавказ,1914. - С.11-19.

⁵ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера.1835-1838. - М.,2000. – С. 292.

Первый период – конец XVIII века – начало 1820-х годов.

Тогда, в многочисленных в боях с закубанскими горцами, донские казаки часто проявляли чудеса храбрости и героизма.

Приведем здесь, в качестве примера, лишь один из таких случаев.

23 мая 1807 года, «шесть или семь тысяч конных черкесов», под предводительством князя Султан-Гирея, перешли Кубань, окружили на Беломечетском посту команду донцов под командой урядника С. И. Попова, «чтобы не дать им времени известить соседний отряд полковника Сталя», стоявший у Баталпашинского редута и под вечер напали на станицу Воровсколесскую Кубанского полка, лежавшую в 25 верстах от Кубани.⁶

Нападения на эту станицу особо не ожидали – здесь стоял штаб генерал-майора Капцевича (командир дополнительных армейских частей, «вызванных для обороны пограничной черты» после разгрома однодворческого села Сенгилеевского 28 апреля 1807 года), здесь находилась штаб-квартира донского казачьего полка войскового старшины Ф. М. Персиянова.

«Среди ночи страшное зарево охватило пол-неба. Было ясно, что горит Воровсколесская». Из соседнего отряда Сталя в станицу, где уже несколько часов шло ожесточенное сражение, ринулись на помощь два эскадрона драгун Нижегородского полка и рота егерей с 2 орудиями.

Другие три драгунских эскадрона, во главе с самим Сталем, бросились на Беломечетский пост, «чтобы отрезать горцам отступление». Туда же пошла и остальная пехота из его отряда.

⁶ Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя наследника полка. Том 2. – СПб., 1893. – С.85-91; Захаревич А.В. Участие донского казачества в обороне станицы Воровсколесской 23 мая 1807 г. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы всероссийской научной конференции (Ставрополь, 11-14 сентября 2001 г.). Ч. 1. – Москва-Ставрополь, 2001. – С. 131-133; Захаревич А.В. Некоторое уточнение, связанное с боем 23 мая 1807 г. при обороне станицы Воровсколесской // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе: Материалы 8-й Всероссийской научной конференции. – Армавир, 2003. – С.80-82; Захаревич А. В. Реабилитация донских казаков, обвиняемых в отечественной историографии за неудачи боев на Кубанской Линии в апреле – мае 1807 года // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып. 41. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 102-105.

В станице, увидев подходившее «черкесское скопище», казаки высыпали на вал, а 50 человек «конвойных» егерей и драгунов «заперлись в редуте, где были пушки». Первый приступ горцев был отбит, но потом «казаки не устояли и, сбитые с валов, заперлись в хатах, стреляя через окна».

Часть жителей – старики, женщины и дети, укрылась в церкви, но вскоре ее двери были выбиты черкесами. Первым был убит местный старый священник, а большинство спасавшихся, было захвачено в плен...⁷

Пока часть горцев ломилась в церковь, на другом конце станицы шел бой «за обладание редутом», в котором «штыками и картечью» отбивались егеря и драгуны под командой штабс-капитана Койленского, «жена и малютка которого были захвачены черкесами уже в первые минуты боя».

Одновременно с этим, горцы подожгли станицу, «наступил последний акт обороны» – казаки, «захваченные пожаром в домах, горели живыми, а те, кто выскакивал из огня, попадали в плен или гибли под ударами шашек».

Но вдруг черкесы «дрогнули» и стали отступать; они услышали топот скачущих на помощь станице двух эскадронов нижегородских драгун.

В этот решающий момент боя за станицу, совершил свой подвиг донской войсковой старшина Федор Матвеевич Персиянов (Персиянов 1-й), изложенный в его послужном списке за 1810 год: «1807-го мая 23-го у защищения Воровсколесской казачьей станицы при нападении на разграбление ее многочисленного разных закубанских народов собрания, где находясь только с 52-мя чинами своего полка и небольшою частию жителей, отразил их повсюду с неустрашимостию и отличным мужеством, спас часть жителей, полковые знамена и орудие, положи оных (горцев) на месте до 3-х сот человек».⁸

В полной темноте, «где нельзя было видеть ни своих, ни чужих», нижегородцы столкнулись с уходившими черкесами и по их следам понеслись к верховьям Кубани.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Горцы «уходили на Каменный мост», бросая по дороге отягощавшую их добычу. Правда конские табуны он уже пустили вперед, их настигнуть уже было нельзя, но «почти всех пленных, овец и рогатый скот» драгунам удалось отбить.

Но, как оказалось, это была лишь меньшая часть черкесского скопища», «главная их масса» уходила на Беломечетский пост, рассчитывая обмануть русские войска и уйти в общей суматохе.

Их расчеты едва не оправдались, но здесь, на рассвете 24 мая, конец их переправы застал отряд Сталя. Нижегородские драгуны с ходу врезались в скопище и прижали его к высокому берегу, заставив горцев бросаться вниз с обрыва, тонуть в реке и попадать под пули подоспевшей пехоты.

Но, пока отряд перетаскивал пушки на канатах по дну бушевавшей реки, основная часть «партии успела выиграть значительное пространство: драгуны могли только рубить отсталых да подобрать нескольких брошенных пленных».

Общие потери за этот черкесский набег были очень высоки: убито много людей, горцы захватили в плен 136 мужчин и 179 женщин, забрали много имущества, угнали часть скота.

А что донцы? Они участвовали в преследовании уходившей партии?

Да, участвовали. В послужном списке Саввы Ильича Попова, который числился в полку Персиянова 1-го урядником, сообщается об этом так: «807-го мая 24, быв он с командою при реке Кубане на Беломечетном посту и сражаясь мужественною храбростию противу многочисленного закубанских народов собрания, ворвавшегося на разорение Воровсколесской казачьей станицы и следовавшего мимо онога поста, положив на месте неприятеля побитых 15 человек и отбил разного плену обоего пола 8 душ; 25-го, преследовавши уж за Кубаном, близ самой реки Больших Зеленчуков, поймал, и сам взял в плен бесленеевской фамилии муллу».

В конце рассказа о разграблении Воровсколесской мы, благодаря послужным спискам из Государственного архива Ростовской области, можем рассказать о дальнейшей судьбе войскового старшины Персиянова 1-го.

Оказывается, что, после 1805 года, когда полк Персиянова стал нести службу на Кубани и сделал станицу Воровсколесскую своей штаб-квартирой, он перевез сюда с Дона свою семью: жену, «восприемную дочь» и двух внучат. Во время нападения закубанцев они, скорее всего в церкви, были взяты в плен.

За них потребовали выкуп в 1000 рублей, но таких денег у самого Персиянова не было, их он взял в долг «из войсковых сумм Войска Донского». Его поручителем выступил походный атаман донцов на Кавказской Линии полковник В. А. Быхалов 1-й.

Выкуп был произведен, но, когда срок возврата этих денег «в войсковые суммы» закончился через год, Персиянов не смог их вернуть.

Быхалову пришлось внести свои личные деньги, а требовать их с Персиянова ему, видимо, было «не с руки» – старый казак, прослужив на Линии 6 лет, «был списан», так как ослеп в 1810 году...⁹

Одна из причин высокой эффективности донцов в службе на Кавказе в 1790-1810-е годы была следующей – в эпоху наполеоновских войн Дон все свои основные силы отправлял туда, на европейский театр войны. Полки, служившие на Кавказе, не сменялись и вынужденно несли свою службу не положенные 3 года, а по два-три срока сразу, а некоторые так и по 10-15 лет.

За эти годы донцы успевали прекрасно изучить и усвоить все хитрости и повадки «малой кордонной войны» с кавказскими горцами.

Одним из таких донских полков, задержавшихся на Кавказе на целых 10 лет, был «полк подполковника Ильина 1-го». За это время (1806-1816 годы) казаков этого полка «помотало» в Грузии, в Чечне, в Кабарде и, уже под

⁹ Там же.

конец, на Кубанской Линии, где этот полк с 1810 г. и до середины октября 1816 г. «содержал кордоны».¹⁰

Наиболее известный пример успешной боевой службы полка Ильина 1-го на Кубани – участие 250 казаков этого полка, во главе со своим командиром, в большом «заграничном походе за реку Кубань» генерала-от-инфантерии С. А. Булгакова с 21 января по 21 марта 1810 года.¹¹

Тогда в подчинение еще войсковому старшине Т. С. Ильину 1-му входили также около 50 казаков из донских полков Петрова 1-го и Агеева 3-го (всего под его командованием было 300 человек).

Цель это «репрессали ужасной» – аулы участников разгрома крестьянского села Каменнобродского 7 ноября 1809 года – темиргоевцев, абадзехов, егерухаевцев, махошевцев, расположенных в долинах рек Лабы, Белой и Курджипса.

Продвигаясь по закубанской равнине и периодически вступая в большие и малые стычки со «скопищами закубанцев», войска, под командованием генерала Булгакова, 8 февраля дошли до реки Белой и встали лагерем на ее берегу. Здесь, от лазутчиков, были получены сведения, что «закубанские народы: темиргоевцы, абадзехи, бесленеевцы, махошевцы, егерухаевцы, бжедуги, шапсуги, убыхи, ногайцы (кыпчаковцы, мангитовцы и наурузовцы) и абазины (баракаевцы, башильбаевцы и медовеевцы) под распоряжением...знатнейших владельцев и смельчаков, собравшись, утвердили между собой клятву» – не дать русским «вперед движения» и не допустить их переправы через реку.

Всего на противоположном берегу готовилось к бою 15 000 конных и пеших горцев, которые «разглашали и то, что никогда русские войска не

¹⁰ Захаревич А.В. Донской казачий полк подполковника Ильина 1-го в боях с горцами на Северном Кавказе с 1806 по 1816 годы // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып. 55. - Ростов-на-Дону, 2010. - С.24-26.

¹¹ Захаревич А.В. Донские казаки в Закубанской экспедиции генерала от инфантерии С.А. Булгакова в январе - марте 1810 года // Учёные записки Донского юридического института. Т. 21. 2003. - С.174-218.

бывали в этих местах», что вселяло в них уверенность в победе и «что они готовились уже разделять свои добычи».

На следующий день – 9 февраля 1810 года – на берегах реки Белой завязалось генеральное сражение, где войска «повсеместно атаковали горцев и штурмовали их укрепления, засеки и завалы, как в ближайшем ущелье Май-копа, так и на переправе реки».

В этом сражении в очередной раз отличился командир полка Т.С. Ильин 1-й, который «пред штурмом Майкопских укреплений, храбро подвергая себя опасности, рассеял неприятельскую конницу».

Так же доблестно сражались и подчиненные Ильина 1-го. Квартирмейстер его полка, А.П. Марков, «будучи во всех делах с войсковым старшиною Ильиным, оказал отличную расторопность и храбрость», за что и был представлен к золотой медали «За храбрость», замененной позже на «монаршее благоволение».

Но, исходя из его послужных списков за 1812 и 1814 гг. ни одна, ни другая награды утверждены не были, хотя он, как и все казаки полка Ильина 1-го, «дрался при штурме Майкопских укреплений, где все ополчение закубанских народов было разгромлено; 13 февраля – в вершинах реки Курджупс, где горцы окончательно были разбиты, а он «претерпел в грудь жестокую контузию», а затем еще и «употреблялся для поисков над неприятелем около горы Ахмат и по реке Селепир...».

К сожалению, все представления генерала С. А. Булгакова, касающиеся полка Ильина 1-го, за эту экспедицию утверждены не были. В чем тут дело – неизвестно! Но после 13 февраля участие полка в дальнейшем ее ходе по документам не просматривается. Очевидно, на заключительном этапе экспедиции он охранял обозы всего отряда.¹²

Но, наряду с такими отличными бойцами, какие были в полку Ильина 1-го, мы встречаем и вахлаков, которые «отличали» себя в «оплошных случаях», за которые донцы получили на Кавказе обидное прозвище

¹² Там же.

«камыш». Радует лишь то, что в 1790-1810-х годах такие случаи были единичными – поражение полка Араканцева у крепости Прочный Окоп в 1808 г., «конфузия» войскового старшины Сычева 3-го в 1813 г.¹³

Но, оставляя служить донцов на Кавказе по 10-13 лет без перерыва, государственная власть одновременно закладывала основу причины, по которой в 1820-е годы воинский пыл донских казаков в боях с горцами на Кавказе сильно упал.

Если донской казак, в течение своей жизни, служил несколько «терминов» по три года с положенными ему перерывам на «льготу», то это время плавно растягивалось на весь период его строевой службы (по указу императора Павла I донскому казаку, чтобы уйти в отставку, нужно было прослужить 25 лет).

Но если казак пробыл на строевой службе 10-13 лет без льготы (хорунжий Демьян Сергеевич Сисин, в составе разных полков, прослужил на Кубанской Линии и на границе с Кабардой целых 17 лет!¹⁴), то, включая и предыдущие «термины», отбытые им нормально, у него сразу набиралось количество положенных лет, чтобы выйти в отставку.

Поэтому многие донские офицеры сами, добровольно, решали отслужить несколько сроков подряд на Кавказе, чтобы потом власти им не мешали мирно жить на своих хуторах на «Тихом Дону».

Эту же ситуацию мы наблюдаем и в отношении рядовых казаков.

Такой обычай действовал начиная со времен императора Павла Первого и до 1820-х годов, до того времени когда власти обратили внимание на то, что таким образом многие казаки выходили в отставку еще в молодом

¹³ Захаревич А.В. Поражение казаков донского полка Араканцева 29 октября 1808 года при переправе закубанцев у крепости Прочноокопской // Южнороссийский регион: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. - Краснодар, 2004. - С. 84-93; Захаревич А. В. Войсковой старшина П.З. Сычёв 3-й: путь к позору // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа: материалы региональной научной конференции. - Пятигорск, 20-22 ноября 2009. - Пятигорск, 2009. - С. 85-94.

¹⁴ Захаревич А.В. Хорунжий Демьян Сергеевич Сисин – неизвестный герой оборонительного периода Кавказской войны // Рубикон. Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып. 58. – Ростов-на-Дону, 2011. - С. 114-116.

возрасте. Но сделать с этим они ничего не могли: обычай был сильнее необходимости...

Только А.К. Денисов, будучи в 1819-1821 гг. наказным войсковым атаманом, начиная работать над «Положением о Войске Донском», которое оформилось позднее в «Положение...» 1835 года, поставил в подготовительных материалах вопрос об искоренении такой практики.

Именно поэтому к 1820-м годам на Дону образовалась «дырка» в подготовке молодняка – все «старослужащие» казаки, обычно уже в офицерских чинах, в массовом порядке, после бесконечных войн с Персией, Турцией, Швецией, Австрией, Англией и Францией и кавказскими горцами с 1801 по 1815 годам, получили право на отставку, чем и воспользовались, «уйдя на пенсию»...

Теперь, формируя новые полки для службы на Кавказе, Дон, не имея в своем распоряжении большого количества казаков с опытом службы на Кавказской Линии, все чаще стал отправлять туда полки из молодых неопытных «малолетков» с такими же командирами, которым было не у кого учиться сложной и опасной войне с «проклятой черкесней».

Мало того, ранее практиковавшиеся «станичные игры для малолетков» к 1820-м годам теряют свой интерес для пожилого поколения, о чем сообщает в своих работах И.И. Краснов, дедушка белого атамана П.Н. Краснова, в результате чего молодняк потерял даже и такую форму подготовки.¹⁵

Все это выразилось в никчемности службы донцов на Кубанской Линии в 1820-1830-х годах. Дошло даже до того, что в одно время донские полки перестали брать в закубанские экспедиции.

Туда брали местных линейных казаков из Хопёрского, Кубанского и Кавказского полков (хотя Ставропольский полк, созданный из крестьян-однодворцев и вышедший на службу в 1833 году, тоже особо не трогали –

¹⁵ Краснов И.И. Обучение молодых казаков в Донском Войске.// Донские войсковые ведомости (часть неофициальная). № 24 от 22 июня 1865 г. – С. 171.

Авт.). Иногда, на помощь местным линейцам, на Кубань вызвали сборные сотни из кавказских казаков, служивших на Линии по Тереку.

Донцам доверяли лишь «содержать кордоны» по Кубани и нести службу на тыловой «тихой Линии» (земли, лежащие позади Кубанской Линии, вдоль Большого Ставропольского тракта).¹⁶

Об этой «горестной» службе донцов есть интересное свидетельство военного писателя Владимира Богдановича Броневского, автора 4-томной «Истории Донского войска».¹⁷

30 апреля 1832 года В. Б. Броневский, проезжая для лечения на Кавказские Минеральные Воды, выехал «на почтовых» из Ставрополя по дороге на Пятигорск.

В пути его сопровождал малочисленный казачий конвой («вместо шести получил только трех»), который, чем ближе к Пятигорску, уменьшался и сократился до тех пор, пока «на последнем к Пятигорску Лысогорском посту, где хищники, скрываясь по ущельям гор, имеют свой главный притон», ему не «отдали последнего часового, хилого казака без ружья и сабли».¹⁸

Проезжая по этой дороге он отмечал, что «опасность здесь была велика» и поэтому, «кроме постов, находящегося на половине дороги между почтовыми станциями, на каждых трех и четырех верстах, расставлены по высотам по два казака, так что между станциями, расположенными на расстоянии 20 верст, в четверть часа на угрожаемом месте могут собраться 20 казаков; в полчаса 60, а через час 300 вооруженных крестьян и 140 казаков».

При такой плотности охраны, «казалось бы, не могло быть опасности для проезжающих, но, не смотря на то, черкесы бьют и грабят на большой дороге сколько им угодно и почти безнаказанно».¹⁹

¹⁶ Басханов А. К., Басханов М. К., Егоров Н. Д. Линейцы. Очерки по истории станции Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. - Никосия, 1996. – С.27-30.

¹⁷ Броневский В.Б. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. В 4 частях. - СПб., 1834.

¹⁸ Броневский В.Б. Указ. соч. Часть четвертая. С.21-22, 28.

¹⁹ Броневский В.Б. Указ. соч. Часть четвертая. С.23-25.

«Отчего же это? спросит меня читатель: от того, что горский джигит и наш донской всадник, вылиты не в одну форму.

Черкесский наездник, облеченный в кольчугу, имеет под собой лучшей породы скакуна, быстрого и проворного как молния. На всем скаку латник стреляет из ружья метко, в пистолете хранить верную смерть тому, кто осмелится приблизиться к нему на выстрел; шашка в руке его как волшебный жезл, творит чудеса.

Напротив, наш донской ратник на своей пахотной лошадке, плохо владеет саблей, невпопад стреляя из ружья, с одной только пикой, в наезде один на один не может равняться с закубанским рыцарем...и, если в бою казак хотя бы немного выедет вперед и выстрелит невпопад, тогда пиши его в расход.

Черкес пускается на него во весь дух, наскочив, ловко уклоняется от острия его пики, отводит ее в сторону или булатом своим пересекает ее как тонкий прут и, тогда, рубит сопротивника своего как капусту, и если время позволить, в мгновение ока прекращает жизнь его, одним ударом острого кинжала».

«Так на Страстной неделе 1832 года, 20 удальцов осмелились напасть на Сергиевку, деревню, состоящую из 82 дворов, и, погарцевав пред 500 донцов и мужиков, сколько им рассудилось, ускакали, потеряв из своих не более четырех, а у нас убили и переранили более 20 человек.

К сожалению, донцы наши, которым поручено охранять дорогу, ведущую к Минеральными Водам, столь мало уважаются черкесскими хищниками, что три или четыре конвойных нимало не обеспечивают жизни проезжающего.

Даже вместо 20 казаков, лучше иметь при себе трех или четырех егерей, которые в опасном случае, зная, что пеший от конного не уйдет, защищая собственное свое тело, постараются продать свою жизнь как можно дороже, и вверенного для защиты путешественника не предадут разбойникам на верную смерть.

Казачья же, при появлении превосходной силы, непременно будут скоро рассеяны и прогнаны, или сами заблаговременно ускачут, для истребования помощи из ближнего селения».²⁰

В заключение нашей статьи, мы приведем два примера службы донцов на Кубанской Линии во второй половине 1830-х годов, которые произошли в одном и том же месте, но с промежутком в два года.

Первый случай – «приятное исключение» в этом, в общем-то «горестном» для донцов, периоде их службы на Кубани.

Этим исключением был «огромного роста и страхолюдный на вид, но добрый в душе» сотник Яков Петрович Бакланов, который служил на Кубани в «донском казачьем Жирова № 8 полку» в 1834-1837 годах, где и совершил свой знаменитый «подвиг на Чамлыке».

4 июля 1836 года, близ передового Вознесенского укрепления на реке Чамлык, во главе своей сотни Бакланов «преследовал превосходящий его отряд горцев – «более 360 человек, самых отборных наездников из князей и узденей» – на протяжении 10 верст, выдержал множество атак неприятеля, израсходовал все патроны и, выбрав удобный момент, ударил в пики, опрокинул закубанцев и преследовал их более 15 верст, истребив на переправе через Лабу почти полностью» (потери за весь бой в его сотне 20 человек, у горцев за Лабу ушло менее 60). За это «дело» Бакланов был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.²¹

Прошло два года, в Вознесенском укреплении стоял уже другой донской полк, с казаками которого в 1838 году произошел вот уж действительно «горестный случай»...

«Однажды, года два тому назад (1838 год – Авт.)...отправлено было 26 донских казаков для следования в какую-то крепостцу (Вознесенское укрепление на реке Чамлык – Авт.).

²⁰ Броневский В.Б. Указ. соч. Часть четвертая. С.25-27.

²¹ Бакланов Я.П. Моя боевая жизнь // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. - СПб.,1871 г. Том III. - С.5-8; Потто В.А. Я. П. Бакланов. Биографический очерк. - СПб,1885 – С.5-10.

На реке Чемлык, единственной на этом пространстве, они остановились напоить своих лошадей, а затем пустились дальше, но, к несчастью, в беспорядке, без всякой предосторожности; одни уже выехали, другие оседлывали лошадей и один за другим выезжали, растянувшись на большое пространство, как вдруг передовые на отдаленном кургане увидели что-то черное, но как там очень часто встречаются огромной величины орлы, которые садятся на вершины курганов, то они и приняли этот черный предмет за орла, однако же мгновенно исчезнувшего.

Это был черкес в бурке, которая, расширенная, действительно представляет вдалеке подобие орла, – и это постоянная уловка хищников.

В тот же момент из-за кургана помчалась на них целая хищническая стая, человек во сто; казаки потерялись от этой неожиданности, некоторые стали стрелять, другие отбивались шашками, но как все были разрознены, то дело окончилось тем, что 19 человек были убиты, а остальные взяты в плен».²²

О том, что было с этими донцами дальше, рассказал Ф. Ф. Торнау в своих «Воспоминаниях кавказского офицера»:

«В конце февраля человек сто черкесов, между которыми был и Тамбиев (у которого российский офицер содержался в плену – Авт.), напали на двадцать донских казаков, ехавших с Чанлыка на Кубань, тринадцать из них убили, а семерых захватили в плен.

Когда стали делить добычу, на долю Аслан-Бека достался молодой казак, которого он, по приезду в аул, поместил в одном доме с прикованным ногайцем.

Русских пленных простого звания черкесы держат обыкновенно для работы, продают их далее в горы или, женив, обращают в потомственное рабство. Тамбиев, желавший сделать для себя работника из пленного казака,

²² Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и переучутованном. Часть I. - СПб., 1882 // URL: http://dugward.ru/library/belyaev/belyaev_vospom_dekabrista1.html (дата обращения 20.10.2016 г.).

дозволял ему ходить свободно, очень ласкал его и хлопотал приискать для него невесту...».²³

«Я решился в течение ожидаемого лета непременно спастись бегством и принял на себя личину совершенной покорности судьбе, даже некоторой робости, с целью усыпить надзор черкесов...Имея в голове одну только мысль уйти, я обрадовался как ребенок, увидав нашего пленного казака.

В нем я находил товарища для бегства, который должен был помочь мне в переправах через реки (сам Торнау не умел плавать – Авт.), так как все донцы плавают отлично, а я бы заплатил ему за услугу, указывая дорогу, которой он не мог знать.

В том, что я его уговорю бежать, не было никакого сомнения. Поэтому, не обнаруживая нисколько моих тайных мыслей, я продолжал вести самую беззаботную жизнь...с казаком я встречался редко и никогда не говорил без свидетелей, чтобы не подать подозрения.

В начале мая время мне показалось удобным для исполнения давно задуманного предприятия. Казак согласился с первых слов идти куда прикажу».

«Я назначил казаку пробраться к кладбищу около полуночи в условленную ночь и ждать меня там до рассвета...но «казак, не понимаю, каким образом, не попал на кладбище; без него я мог еще обойтись, но потеря припасов и обуви (которые Торнау заранее отдал ему – Авт.), меня крайне огорчала: мог ли я надеяться спастись без них?»

В конце концов, Торнау, голодного и босого, через несколько дней поймали и вернули назад к Тамбиеву, а вот «казак спасся. Миновав кладбище, не знаю почему, он бежал прямо в лес и, пользуясь моими припасами, в шесть дней дошел до Сагуаши (реки Белой – Авт.).

Поймав карчу, он разделся, привязал на нее платье, сам сел верхом и стал переправляться. Посредине реки из-под него унесло дерево с платьем.

²³ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С.383-384.

Он выплыл на другой берег и совершенно нагой путешествовал трое суток по закубанской равнине.

Темиргоевские пастухи (в 1830-1841 гг. черкесское племя темиргой было «мирным» и «лояльным к русскому правительству» – Авт.), встретившие его в этом виде, бежали сперва, но потом, убедившись, что они имеют перед собою человека, а не шайтана, прикрыли его кое-чем, накормили и привели на Кубань».²⁴

²⁴ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С.394-395.